

Николай Скуратов

Сердце жука

Мифы Черного Цилиндра,
кн. 1

Николай Юрьевич Скуратов Сердце жука. Мифы Черного Цилиндра, кн. 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30804766

ISBN 9785449059079

Аннотация

Рассказы, представленные в этой книге, связаны общей мифологией и символикой. Перед нами – неведомый мир, лежащий за гранью привычных условностей и узнаваемых координат. Словно в ядовитом тумане над отравленным морем, проступают пока неявные черты вершителей, адептов и богов этой странной вселенной. Выйдут ли они когда-нибудь к нам, чтобы ответить на все вопросы и раскрыть жуткие тайны, покажет время. Пока же я приглашаю вас в путешествие к Черному Цилиндру, чья тень тянется сквозь бытие.

Содержание

Дредноут	5
1	5
2	11
3	17
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Сердце жука
Мифы Черного
Цилиндра, кн. 1**

**Николай Юрьевич
Скуратов**

© Николай Юрьевич Скуратов, 2018

ISBN 978-5-4490-5907-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дредноут

1

Олечка Смурина взошла на борт дредноута «Кыштым» двадцатого августа.

Шел дождь, гавань Катинграда была серой и мокрой. Город, лежащий у берега и раскинувший длинные щупальца кварталов на запад, в чрево суши, терялся у горизонта, где нельзя было различить, где небо, а где земля. Шпиль здания адмиралтейства исчезал в вышине, и, казалось, что кто-то его сломал.

Зябко. На воду смотреть холодно. Ледяным бульоном из жидкого свинца она маслянисто плещется у борта корабля. Олечка, стараясь не особенно сосредотачиваться на деталях окружающего мира, шла по трапу; считала шаги и насчитала сорок семь. Громада дредноута выросла перед ней, остинившись тяжелыми орудиями, и вежливо пригласила ступить на борт. Корабль жил своей жизнью. Стоя на просмоленных досках, можно было ощутить гул, исходящий снизу. Там, под таинственными слоями перекрытий, за лабиринтами переборок, работали громадные механизмы. Разогревались топки, кочегары заступали на вахту, офицеры с кокардами на фуражках отдавали приказы.

Пряча лицо в шарф, девочка растерянно посмотрела по сторонам. Матрос, приставленный к ней отцом, на миг исчез из поля зрения. Олечка подумала, что он её бросил, но в тот же миг урс, получеловек-полумедведь, с широкой мордой, покрытой шерстью, показал ей свою улыбку.

– Барышня», – сказала он, любя это слово. Повторил его по пути к причалу, наверное, раз тридцать. «Барышня» то, «барышня» сё. Олечка не возражала, хотя ей было противно, и пахло от урса плохо: мускусом, мокрой шерстью и табаком. Все матросы так пахли, и Олечка боялась их, даже если они были просто людьми, но не могла признаться отцу.

Семен Федорович Смурин был уверен, что путешествие излечит её от хандры; кто знает, впрочем, не доктор ли надумил его. «Нет ничего лучше холодного солёного ветра Сибирского моря», – сказал он Олечке, поцеловав в щеку. На самом деле, просто прижался прокуренными усами, укол. Было неприятно, но Олечка была воспитанной, спасибо почившей матушке, и ничего не сказала. Она улыбнулась и заверила, что с большой радостью побудет вместе с ним на корабле. Корабле! Да не просто каком-то там суденышке, ведь «Кыштым» – настоящий дредноут, ни разу не терпевший поражения в битвах с морскими чудовищами. Самый большой из когда-либо созданных, он бороздил бурные воды Сибирского моря вот уже двадцать лет, и все сопровождаемые им конвои всегда доходили до места назначения. Остров Чукотка, Аляскинский архипелаг, Сахалин – всюду до-

бирался «Кыштым». Никакой кракен, никакой морской змей не были ему преградой.

Отец любил говорить о подвигах дредноута, которым ему выпало командовать благодаря счастливому стечению обстоятельств, и гордился своим положением в обществе. Олечка слушала его разглагольствования, думая о мёртвой матери, унесенной чахоткой, и о морских чудовищах. В последнее время, Олечка читала в газетах, их стало больше. Теперь гражданские суда, отправляющиеся на восток, не выходили из гавани без военного сопровождения. Даже рейсы вдоль побережья могли быть опасными. Буквально вчера девочка видела заголовок статьи о громадной, точно остров, черепахе, с которой едва не столкнулся пассажирский пароход «Исеть». Саму статью Олечка изучить побоялась. Картинки с монстрами вызвали у неё ночные кошмары. «Отплываем уже послезавтра, – сказал Олечке отец, вошедший поцеловать ее на ночь. – Готовься». Она ничего не ответила, представляя, как из-под кровати вылезают извивающиеся щупальца. Доктор, который пользовал Олечку, всегда говорил, что у неё слишком бурная фантазия. «Монстры, – говорил он, посмеиваясь. – Живут в море. Не под кроватью. Не в платяном шкафу или сундуке».

Конечно, не живут, конечно. И не они забрали маму, настав на неё заклятие болезни, чтобы больше никогда не отдать обратно.

– Барышня!

Олечка подняла глаза, увидев большой подвижный нос улыбающегося матроса. В его левой лапе-руке был её чемоданчик с пожитками. С помощью желтушной гувернантки девочка собрала вчера все необходимое, но уже само это событие помнила едва. Она всегда бродила точно по дну морскому, преодолевая сопротивление воды и её невероятное давление. И мысли Олечки были сонными. Подобно морским черепахам, они плыли по течению к неведомым горизонтам.

Матрос с медвежьей грацией предлагал следовать дальше. Девочка моргнула, возвращая мир на прежнее место.

Новость разлетелась в один миг. На корабле уже знали, что прибыла дочь капитана. Олечка Смурина, милости просим! Встречные матросы и офицеры вытягивались в струнку, козыряли. Олечка не отвечала, шла, опустив голову и пряча лицо в шарф. Ей хотелось уменьшиться до размеров блохи, но ничего не получалось. Пришлось шагать за урсом, показывающим дорогу.

Наверху, после лестницы на них наскочил старпом, загоготал, затараторил, предлагая Олечке свои услуги, хлопотал, спрашивал, не нужно ли ей чего, мгновенно, впрочем, распорядился, без её согласия, соорудить горячего чаю с лимоном.

– Погода-с! Нынче стыло, простудиться можно. Да-с, – сказал старпом. Олечка с трудом вспомнила, как его зовут: Тимофей Ярославич Ланжеронский. Он походил на рыбу

с выпученными глазами, что не исключало его происхождения от «чешуйчатых»; так называли ихтильменов, живших когда-то в дельте Исети. Ихтильмены разделили участь всех коренных народов, закатанных под брусчатку с приходом цивилизации с её городами, паром и железом. Из урока истории Олечка помнила, что «чешуйчатым» дали выбор: быть истребленными подчистую или же ассимилироваться. Они выбрали второе.

Ланжеронский отпустил урса, подхватил чемоданчик с вещами Олечки и сам повел её в каюту капитана.

– Батюшка ваш звонил из Адмиралтейства, скоро, стало быть, прибудет, – сообщил старпом, сверкая рыбьими глазами своих предков. – Вы, барышня, располагайтесь. Все готово. Прямо как царица жить будете. Да-с. А уж диво разное в море увидите – до внуков рассказов хватит. Да-с.

Олечка терпела. Ланжеронский распахнул дверь капитанской каюты, приглашая внутрь. Девочка представляла себе это место чем-то вроде маленького матросского кубрика, но ошиблась. Тут было целых три комнаты, одна большая, две поменьше. Одну из тех двух и выделили ей. Ланжеронский суетился, показывал и рассказывал. Тут же принесли поднос: чайник, чашки, на блюде нарезанный лимон, сахарницу с серебряной ложкой и три пирожных с масляным кремом.

– Откушайте, Ольга Семёновна, прошу-с. А вот колокольчик, чтобы вызвать помощника.

Олечка тут же с беспокойством спросила:

– Какого? – Очень уж ей не хотелось того благоухающего матроса.

Ланжеронский взял колокольчик и позвонил. Явился юнга, прилизанный, в форме со сверкающими пуговицами, на вид лет четырнадцать. Такой вышколенный, что Олечке стало его жаль.

– Прошу любить и жаловать, да-с. Федор Максимович Хомутов. Обязуется выполнять все ваши приказания, – сказал старпом.

– Ручку! – юным голосом потребовал Хомутов немедленно у ошеломленной Олечки. Она дала ручку, юнга истово поцеловал её по всем правилам и снова вытянулся во фрунт. В двенадцать лет капитанской дочке еще никогда не оказывали таких знаков внимания. Словно она большая.

Ланжеронский и юнга ждали приказов.

– Пока идите, – велела Олечка, смутившись. Хомутова точно ветром сдуло, а Ланжеронский раскланивался ещё долго, пока не исчез за дверью.

После этого девочка села на стул и хотела заплакать. Она слышала тихий гул из-под пола и чувствовала едва заметную вибрацию. Дредноут, механический монстр, готовился к отплытию.

Слезы так и не появились. Олечка подошла к кровати, осторожно легла на неё, на бок, и свернулась калачиком.

2

Капитан Семён Федорович Смури́н явился вскоре. Обнял дочь, четко, по-военному, осведомился, хорошо ли она устроилась, дыша на неё табаком и котлетами, которые откусивал где-то не так давно. Олечка просто обняла его и сказала, что все в порядке. Вместе они попили чаю, остывшего. Потом отправились на капитанский мостик, чтобы Олечка могла посмотреть на отплытие.

Идти было страшно. Девочка плелась за отцом, поднималась по ступеням, пока не вошла в святая святых корабля. Тут за штурвалом стоял громадный урс-рулевой, и блестели начищенные латунные трубки, в которые офицеры периодически кричали непонятные заклинания.

Капитан отдал несколько приказов. Ему доложили, что всё готово, можно отдавать швартовы. Смури́н торжественно посмотрел на Олечку и махнул рукой. На носу «Кыштыма» загрохотали цепи, поднимающие якоря. В глубине корабельной утробы заработали паровые турбины, под кормой завертелись движители. Зачадили трубы, выбрасывающие в небо над гаванью Катинграда черный угольный дым.

Олечка приложила ладони к холодному стеклу и смотрела на пристань, где стояла редкая толпа провожающих. Некоторые женщины махали, но, в основном, люди стояли молча и неподвижно. Их даже трудно было как следует рассмот-

реть из-за висящей в воздухе водяной пыли. Олечка взглянула на город, может быть, в последний раз, и постаралась запомнить все доступные ей детали. Но Катинград словно не хотел оставаться в её памяти таким и настойчиво прятался за мокрой завесой.

«Кыштым» проворно развернулся, закладывая на правый борт, и, сориентировавшись к выходу из гавани, прибавил ход. Олечка перебежала к другому окну, противоположному, и увидела грузовые корабли, медленно ползущие к рейду. Насчитала шесть. Смурин объяснил, что они под завязку набиты припасами для колонистов на Чукотке. Из-за ухудшающейся ситуации с нашествиями чудовищ жители Анадыря уже не в состоянии обеспечивать себя сами. Им едва хватает сил отбивать атаки зубастых орд. Выход здесь один. Возить колонистам через море всё необходимое, с боями прорываясь через воды, кишящие агрессивной фауной. Однако, прибавил капитан, даже если конвой ведет корабль, подобный «Кыштыму», нет никаких гарантий, что груз дойдёт до Бухты Благости.

Катинград, Олечка бросила последний взгляд на город, окончательно скрылся, береговая линия стремительно таяла. Урал исчез, и теперь вокруг было одно Сибирское море. Свирепое, вечно голодное, точно кракен.

Дредноут вышел за границу рейда, за ним цепочкой выстроились грузовые корабли. Замыкал конвой крейсер «Дымок», который Олечка толком даже не рассмотрела.

Вскоре отец положил ей на плечо большую капитанскую руку:

– Вот мы и в море. Тебя не укачивает?

Олечка честно ответила, что нет.

Некоторое время она провела на мостике, наблюдая то деловитую суету офицеров, то просто глядя на однообразный серый пейзаж за стеклом. Ей хотелось увидеть какое-нибудь морское животное. Пусть не чудовище, но хотя бы нарвала с длинным тонким рогом, растущим из лба. Море не отвечало её желаниям. Все, что видела Олечка, это серые беспокойные волны. Постепенно они становились выше и провалы между ними глубже. «Кыштым» начало ощутимо покачивать.

В конце концов, капитан Смури́н погладил дочь по голове и отправил обратно в каюту. Хомутов, волшебным материализовавшийся рядом, вызвался её проводить. Олечка хотела о чем-то спросить юнгу, но не могла вспомнить, какой вопрос готовила раньше. Что касалось самого мальчика, то он был так напряжен, что словно ткни его иголкой, лопнет, как воздушный шар.

В каюте накрыли стол, за которым Олечке предстояло обедать. Она села, голодная, и аккуратно расправилась с едой. Напившись и чаю, она подошла к своему чемоданчику с вещами, открыла его и вытащила любимую игрушку, человека-рыбку. Человек-рыбка был мягкий, плюшевый, и до сих пор хранил запах матушки. С ним было приятно. Немножко

поплакав о ней, Олечка забралась под одеяло и уснула.

Громадную акулу она увидела на следующий день, прогуливаясь с Хомутовым по палубе. День выдался свежий, но ясный. Сине-серые воды заметно успокоились, но по-прежнему не прочь были показать свой нрав.

Вдруг юнга, немногословный, как бочка с солониной, указал куда-то рукой:

– Акула. Мегалодон.

Сердце Олечки отчаянно заколотилось. Она открыла глаза во всю ширь.

Серое тело с высоким плавником описало дугу над волной, упало, подняв брызги. Исчезло. Появилось снова, плывя параллельно дредноуту, но не приближаясь ближе ста метров. Тем не менее, Олечка услышала гудок – команда канониров занимала свои места в орудийных башнях. Стволы правого борта пришли в движение, готовясь уничтожить хищную рыбину, если тот вздумает напасть. Олечка испугалась еще больше. Она была уверена, что если начнется пальба, её сердце просто разорвется от ужаса. Чтобы ощутить хоть какую-то опору, девочка схватила Хомутова за локоть.

Юнга тут же надулся от важности.

– Барышне ни к чему беспокоиться, – покровительственно сказал он. – У акулы нет шансов нас победить. Это всего лишь большая рыба.

Олечка онемела. «Всего лишь большая рыба» была не меньше двадцати пяти метров в длину, целый паровоз мог

проехать в её разинутую пасть. Только сейчас девочка осознала, как мало она знает о море и его кровожадных обитателях. Никакие иллюстрации, фотографии, атласы с точными данными в описаниях монстров не давали ей представления, каковы обитатели Сибирского моря на самом деле.

Олечка снова перевела взгляд на громадную акулу. Над волнами виднелся лишь её плавник. Вскоре и он исчез в водной круговерти.

Больше в тот день не было ничего особенного, и конвой без происшествий двигался на север-восток.

Вечерами, когда отец заканчивал смену и возвращался в каюту, Олечка ужинала вместе с ним. Смурин подробно рассказывал дочери, как прошел день, и в рассказах его было чрезвычайно много непонятных подробностей. Они завораживали, убаюкивали девочку лучше всякой колыбельной. После рассказов они читали вслух книги – так повелось в семье. И ложились спать.

В ночь перед первым в жизни Олечки Смуриной сражением ей явилась умершая от чахотки матушка, почему-то в образе русалки, и сказала: «Уп-пр». Повторив это послание два раза, она поглядела на девочку водянистыми глазами и поползла прочь, оставляя на полу мокрый след от рыбьего хвоста. Когда же Олечка проснулась, пол был сухим.

В своём дневнике, который девочка взяла себе за правило вести где-то на второй день плавания, она записала: «Уп-пр» – что это означает?» Олечка думала, что папень-

ка вряд ли понимает язык русалок, но другое дело Ланжеронский. Его предки были ихтильменами. Однако смелости спросить у старпома Олечка так и не набралась.

На следующий день начались сильные шторма. Дредноут шел впереди конвоя, тяжело зарываясь носом в волны; вода перехлестывала через борт. Олечка боялась крушения, боялась, что громадный корабль перевернется, но ярости моря для этого было недостаточно. Девочка почти не вставала с кровати, не в силах приспособиться к ходьбе при такой дикой качке. Часами она лежала, глядя в потолок. Иногда звала Хомутова в надежде поговорить о чем-то, что успокоило бы страх, тлеющий в груди, но юнга был занят. Отец появлялся лишь после смены. Однажды он сказал, что им пришлось изменить курс из-за помехи. Помехой, по его словам, было громадное нечто, плавающее в воде у них на пути. Что именно это было, капитан Смурин решил не проверять и приказал конвою сделать крюк. Впечатлившись рассказом отца, Олечка представила себе громадную черепаху, на спине которой живут люди. Черепаху-остров.

Спустя пять дней штормы утихли, но пришла другая напасть. Морские чудовища. Сигнал тревоги раздался по кораблю в шесть часов утра, и Олечка отлично слышала его. Отец мигом оделся и умчался на мостик командовать боем.

Бой! Олечка позвала юнгу и на этот раз чрезвычайно настойчиво потребовала у него провести её в такое место, где ей было бы видно все. Хомутов согласился, но с неохотой.

Вскоре они вошли в пустую кают-компанию. Иллюминаторы здесь были по обеим сторонам помещения, так что, по уверению юнги, Олечка не могла пропустить ничего. Она поблагодарила Хомутова и, видя, как ему не терпится оказаться среди своих, сказала:

– Я вас не задерживаю.

Юнга козырнул и испарился. Олечка вытащила человека-рыбку из кармана и посмотрела в иллюминатор. Утро выдалось ясным, море просматривалось до самого горизонта. По правому борту, примерно в половине морской мили от корабля, двигалось нечто. Оно приближалось с большой скоростью, целя в дредноут, подобно громадной стреле.

«Кракен!» – подумала Олечка. Монстр был точно, как на иллюстрациях. Его щупальца достигали пятидесяти метров в длину, тело было скользким грушеобразным, с громадными глазами-тарелками и пастью, усаженной миллиона мелких острых зубов. Ими чудовище запросто перемалывало целые корабли вместе со всем содержимым.

Прикинув к стеклу, девочка смотрела на его атаку. Вероятно, монстр планировал сначала ударить корабль, а потом взяться за него своими щупальцами, имеющими в основании толщину до десяти метров. Так, по крайней мере, Олечке казалось.

И тут грянуло. «Кыштым» содрогнулся. Звук от совместного залпа орудий правого борта был таким, что даже в закрытой кают-компании Олечка едва не оглохла.

Столбы пламени и черно-серого дыма вырвались из жерл пушек. Это было ужасающее зрелище, настолько, что Олечка закричала, закрывая уши руками. Вода вокруг кракена тут же вздыбилась, рванулась к небесам громадными разрушающимися столбами. Один снаряд попал в туловище монстра. Столб плоти и крови вырвался в небо, и Олечка отлично видела это, когда ветер отнёс в сторону облако порохового дыма.

Кракен взревел, выпрыгивая из воды и бросаясь к кораблю с ещё большей скоростью. Его встретил новый залп. На этот раз два снаряда угодили прямо в «морду» чудовища. Месиво из дыма, огня, крови, мяса, внутренностей. Кракен, однако, не сдавался. Выпростав громадные щупальца, он сделал последнюю попытку добраться до «Кыштыма». Его добили ударами прямой наводкой. Падая, бессильные конечности поднимали фонтаны брызг, пока не успокоились. Мертвое чудовище застыло на волнах, распространяя вокруг себя широкие пятна крови.

Корабль сделал разворот на правый борт, и Олечка не сразу поняла, для чего, пока не услышала новые залпы. На этот раз били башенные носовые орудия. Второй кракен пытался напасть на один из грузовых судов. Его атаку сдерживал «Дымок». Огневая мощь крейсера, однако, была меньше, чем у «Кыштыма», поэтому капитан Смурин приказал идти на подмогу.

Пушки стреляли раз за разом. От каждого залпа по кор-

пугу пробегала судорога. Олечка, жалевшая, что стала свидетелем этого кошмара, думала, какими же чудовищами кажутся кракенам и морским змеям дредноуты и крейсера, бороздящие эти холодные воды.

Наконец, и второго монстра доби́ли. Подождав, не будет ли ещё атак, капитан дал команду отбой и приказ лечь на прежний курс. Олечка Смурина почувствовала себя плохо – она ясно помнила изуродованное разрывными снарядами тело. Наклонившись, она наблевала в угол чаем и пирожками с джемом, которые ела на завтрак.

До острова Чукотка оставалось два дня пути.

Город Анадырь массивный, окруженный толстыми стенами, обращенными на восток, стоял в Бухте Благости. Бухта глубоко вторгалась в сушу, образуя, если судить по карте, почти идеальный полуовал. Точно какой-то исполинский монстр откусил кусок острова. Олечка не могла избавиться от мысли, что этот монстр, если он существует, может вернуться в любой момент.

Конвой подошел к Бухте без приключений и задержался на рейде, пока капитан Смуринов вёл переговоры с генерал-губернатором Чукотки. Прошло минут двадцать, и корабли снова двинулись в путь, на этот раз, в сторону приземистых высоких башен единственного на острове города. Олечка Смуринова, стоявшая на палубе в компании юнги, всё так же прятала нос в шарф и смотрела. Анадырь выплывал из влажной дымки. Его серые стены и могучие пилоны внушали трепет и восторг. Город, несокрушимый столп цивилизации в диких просторах, казался девочке живым богатырем, присевшим отдохнуть от ратных дел; неважно, сколько он уже сидит так, рано или поздно, в критический час он поднимется, чтобы крушить врага.

Вот и порт. «Кыштым» и «Дымок» взяли к причалу, а конвоированием грузовых судов занялись юркие паровые катера, выбрасывающие из труб клубы черного дыма.

На причале дредноут уже встречал пёстрый люд, для которого каждое прибытие судна с континента было крупным событием. Вверх взлетали шапки. Молодежь облепила фонарные столпы и бешено свистела.

– Вот мы и прибыли, – важно заявил Хомутов, снисходительно посматривая на толпу.

– Вы уже плавали в Анадырь? – спросила Олечка.

– А как же! – покраснев, ответил юнга. Он откашлялся, громко, стараясь, чтобы голос был как можно ниже. Из ничего, по своему обыкновению, возник Ланжеронский.

– Вас обоих зовет капитан. В свою каюту. Да-с. Барышня? – сказал он, вертясь.

Олечка пожалела, что ей не пришла в голову мысль считать, сколько раз после того, как она вошла на борта, её называли этим словом. «Барышня». Фи.

Когда девочка и юнга вошли в капитанскую каюту, Смурин стоял перед зеркалом, наводя марафет. На нём была парадная форма с блестящими золотыми пуговицами и золотым же шнуром. Кокарда на фуражке показалась Олечке звездой.

– Мне необходимо срочно встретиться с генерал-губернатором, – сказал капитан. – А вы, если пожелаете, можете совершить прогулку по городу. Однако – с вами пойдет старпом Ланжеронский. Он отлично знает Анадырь.

Хомутов вытянулся во фронт, заверив, что отдаст жизнь, если понадобится, за Ольгу Семёновну. Ольга Семеновна,

кисло улыбаясь, ответила, что для неё большая честь путешествовать в его обществе. Хотя это было неправдой. Хомутов был симпатичным юношей, но уж больно вышколенным. В будущем он точно станет солдафоном, не знающим ничего, кроме «Стоять! Смирно!».

Ланжеронский уже терся рядом. Его «Да-с» не требовало комментариев.

Смури́н в последний раз оглядел себя в зеркало. На дредноуте прозвучала сирена – причалили.

– Оставьте нас, – велел капитан Хомутову и Ланжеронскому, а сам, пригласив Олечку сесть на диван, опустился рядом.

– После смерти твоей мамы я дал себе слово быть с тобой честным, милая, – сказал он, придавая ещё больше мужественности и без того мужественному лицу. – Дела на Чукотке неважные. Атаки чудовищ усиливаются с каждым днём. Пока город стоит, ибо его стены трудно разбить. Однако все вылазки в тундру прекращены уже три месяца назад. Анадырь живет тем, что привозят, и старыми запасами. Боеприпасы для орудий на исходе.

Олечка ощутила отчаяние.

– И что же делать?

Смури́н посмотрел на перчатки, которые держал в руках.

– Генерал-губернатор просит меня об эвакуации. Взять столько горожан на борт, сколько сможем. Именно это я собираюсь обсуждать с ним через полчаса.

Олечка мало что понимала в морском деле, в устройстве кораблей (несмотря на длинные нудные лекции Хомутова), но спросила:

– А разве места хватит?

Капитан покачал головой:

– Генерал-губернатор предлагает загрузить под завязку «Кыштым» и «Дымок», потом все грузовые суда, что мы привели, а так же все, что есть в Анадыре. Он считает... город надо оставить, пока не поздно.

Олечка протянула руку и осторожно коснулась рукава отцовской формы:

– Я все хотела спросить... А почему они это делают? Чудовища? Зачем они постоянно нападают на людей? В море и на суше?

Капитан долго смотрел на дочь, а потом встал и подошел к шкафу с книгами. Из него он достал довольно толстый потрепанный том. Показал его Олечке. На обложке было написано: «О сущностях мира». Ни о чём не говорящее название. Автор – «Афанасий Никитин».

– Это один из величайших философов в мировой истории. В его труде, над которым он работал всю жизнь, изложены философские основы бытия сознания и бытия материи, раскрывается взаимосвязь между двумя этими понятиями, диалектика борьбы и единства противоположностей. Если говорить проще, то Афанасий Никитин выдвигает учение о Равновесии всего и вся в Природе. Если есть оно, все

пребывает в гармонии, если нет, то погружается в хаос. Любые перекосы, любые колебания имеют последствия, – объяснил капитан Смури́н. – Человек есть существо, имеющее связь со всем сущим. Часть малая, но силой великой обладающая. Посмотри вокруг, милая. Мы, люди, подчинили себе мир, сделали его своим местом для жизни, местом удобным. Хотя и чужаки в нем. Но мы не учли последствий. Мы вышли за пределы собственного круга природных возможностей – ибо наш разум постоянно толкает нас вперед. И внесли в Равновесие разлад. Века борьбы и завоеваний, века переделки, в конце концов, исказили мир так, что наступил хаос. По мнению философа, мы лишь начали пожинать плоды своего безумной конквисты, сиречь завоевания. Природа, как сложная система взаимосвязанных элементов, пытается вновь прийти к равновесию.

– Она растит громадных чудовищ и отправляет их воевать с нами, – прибавил Смури́н. – Мы способны дать сдачи, мы сражаемся. Но как долго это может продолжаться? Климат на Земле стал другим. Если с людьми не в состоянии справиться щупальца и зубы, в ход идут холод, болезни, исчезновение суши. Сколько океан поглотил её в последние годы? Лишь за мою жизнь мы лишились четвертой части земной тверди. Города лежат на дне, под толщей безумных темных вод и никто не знает, кто населяет их теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.